

ИЗДАНИЕ 2010

литературное
НОВОЕ
обозрение

№ 103 3'2010

вания» или направления по природе своей различны: отчасти — как андеграунд, авангард или традиционализм, — это некие общие и не имеющие конкретной исторической привязки системные определения. К ним «подвёрстываются» фамилии, причем, как в случае с Давидом Самойловым (традиционализм) или Виктором Кривулиным (андеграунд), без какой бы то ни было мотивировки. И если за «прикреплением» Кривулина к «андеграунду» можно усмотреть хоть какую-то логику, то «традиционализм» Самойлова и вовсе непонятно что такое. Короткие статьи, которые предваряют в таких случаях «антологические представления» авторов, составлены из случайных цитат, собранных, по всей видимости, Яндексом по ключевому слову. Очевидно, что цитата из Парщикова про «скованность» «традиционалистов» и соображения П. Горелова об особенностях традиционалистской «молодой поэзии» (из сборника 1989 г.!) к Давиду Самойлову никакого отношения не имеют. Что же касается таких авторских терминов, как «неомодернизм» или «неореализм», так с ними и вовсе курьезная история: проиллюстрированный А. Кушнером «неомодернизм» предваряется цитатой *ил* статьи С. Завьялова «Виктор Кривулин: петербургский неомодерн 1970-х», а «неореализм», который в этой антологии представляет почему-то Сергей Гандлевский, объясняется цитатами из старых статей А. Когана и Л. Лавлинского о «фронтальной теме» в советской поэзии, речь там о поэтах военного поколения.

Биографические справки о поэтах составлены неряшливо и, похоже, выбирались из Сети методом «одного тыка»: практически все биографические сведения о Геннадии Айги сводятся к перечислению премий, зато в «статье» о Викторе Кривулине никоим образом не упомянута Премия Андрея Белого (Кривулин — первый лауреат!), имеющая непосредственное отношение к концептуальному «закреплению» за Кривулиным графы «андеграунд». Собственно стихотворная часть составлена по тому же принципу — в одних случаях под стихотворениями проставлены даты, в других — не проставлены, источники не указаны. В целом разговор об этом более чем странно «учебном пособии» мог бы проходить в рубрике «Халтура», но проблема в том, что подобного рода учебных пособий с

попыткой описать «историю вчерашнего дня», в самом деле, мало, а те, что есть, неудачны. Наверное, все-таки историкам и теоретикам стоит дожидаться некой временной дистанции, предоставив пока это поле критикам?

И. Булкина

Скобелев А.В. «МНОГО НЕЯСНОГО В СТРАННОЙ СТРАНЕ... II»: Попытка избранного комментирования. Литературоведение. — Воронеж: Эхо, 2009. — 248 с. — 300 экз.

Творчество Владимира Высоцкого — тема неисчерпаемая для исследователей. Различные его аспекты представляют богатейший материал для интерпретаций и комментариев. Одна из попыток литературоведческого комментирования песен, стихов и прозы великого поэта и барда — недавно увидевшая свет вторая часть книги известного воронежского вы-соцковеда А.В. Скобелева «Много неясного в странной стране...» (первая часть вышла двумя годами ранее: Скобелев А.В. «Много неясного в странной стране...» Литературоведение. Ярославль, 2007).

В качестве названия взята фраза из стихотворения Высоцкого, помещенная в современный ему культурный контекст. В отличие от таганского барда, Скобелев имел в виду не сказочную, а самую что ни на есть реальную страну. Предлагаемые комментарии, или, как называет их сам автор, рабочие материалы, не претендуют на полноту и завершенность, о чем свидетельствует подзаголовок: «Попытка избранного комментирования» (курсив мой). В одних случаях описываются исторические факты или события, важные для понимания рассматриваемых текстов, в других высказываются субъективные, порой неожиданные предположения по поводу тех или иных произведений. Что до неясностей — разрешает одних закономерно порождает другие.

Книга разделена на четыре части: «Песни», «Стихотворения», «Песни театра и кино», «Проза», каждая из которых построена по хронологическому принципу. Отнесение настоящей работы к литературоведческим не совсем правильно. Скорее она на-

ходится на стыке литературоведения, герменевтики, источниковедения и культурологии. Работая над комментариями, исследователь задался единой целью сохранения первоначального смысла текстов Высоцкого, адресованных историческому читателю: он старался, во-первых, осмыслить и лучше понять Высоцкого как поэта и прозаика; во-вторых, зафиксировать накопленные как в литературоведении, так и в смежных областях знания о его творчестве. Ис с поставленной целью в основном справился.

Проблема верного понимания текстов Высоцкого, его места в культуре не утрачивает своей актуальности. У нее два взаимосвязанных аспекта. Первый — знание советских реалий 60–70-х гг. Второй, на котором автор акцентирует внимание, предполагает учет интертекстуальной составляющей: на какие источники опирался сам Высоцкий? От чего отталкивался? Что ему было близко? Вопросы отнюдь не праздные, потому что молодые люди, читая тексты Высоцкого, зачастую многого не понимают. Вряд ли кто-нибудь, обращаясь к тексту «Песня о сумасшедшем доме» или «Дельфины и психи», вспомнит писателя-диссидента В.Я. Тарсиса, а тем более станет перечитывать его повесть «Палата № 7», к которой отсылает Высоцкий. Хорошо, если окажется в состоянии обнаружить аллюзию на знаменитый чеховский рассказ... А кто, читая строку «И всю валюту сдам в Советский банк <...> мне "вышка" на носу» из песни «Передо мной любой факир...», свяжет ее с историей Яна Рокотова, Владислава Файбишенко и Дмитрия Яковлева, арестованных в 1960 г. за незаконные валютные операции, дважды осуждавшихся на большие сроки по вновь принимаемым законам и около года спустя приговоренных к расстрелу?.. А для понимания стихотворения «Подымайте руки» нелишне ознакомиться со следующим комментарием: «В эпоху Высоцкого все выборы в СССР происходили на безальтернативной основе; избирателям предлагалось голосовать за единственного кандидата, фактически назначаемого правящей и единственной же разрешенной коммунистической партией» (с. 132).

Высоцкий-прозаик широкому кругу читателей менее известен, чем Высоцкий-поэт. Поэтому большое место в книге занимают комментарии к прозе Владимира Семеновича Ско-

белев убедительно доказывает, что название «Роман о девочках», прижившееся в публикациях, неправильно: во-первых, оно не принадлежит самому Высоцкому, во-вторых, ввиду отсутствия широкого охвата действительности это не роман, а «очень своеобразно выстроенная и композиционно замкнутая в себе, вполне завершенная повесть...» (с. 196). Ее автор предлагает называть по первому предложению: «Девочки любили иностранцев». Впрочем, и здесь не обходится без неясностей: Высоцкий допустил в произведении некоторые временные неточности... способные смутить такого скрупулезного читателя, как А.В. Скобелев. Но разве фактически неувязки не могут быть оправданы художественными достоинствами, которых намного больше?

Геннадий Шостак

Амусин М. ЗЕРКАЛА И ЗАЗЕРКАЛЬЯ: Статьи. — СПб.: М.: Лимбус Пресс, 2008. — 368 с. — 1000 экз. — (Инстанция вкуса).

Простое перечисление тех писателей, чье творчество стало предметом рассмотрения в книге М. Амусина, дает представление о широте его исследовательских интересов и внимании к самым разным явлениям литературного процесса XX в.: Р. Музиль, К. Чапек, Г. Грин, К. Воннегут, М. Фриш, Э. Войнич, Т. Манн, Г. Манн, К. Манн,